

ФЕТОВСКИЕ ДНИ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Л. В. Герашко, В. А. Лукина

«ИЗ ВРЕМЕНИ – В ВЕЧНОСТЬ». ПОЭТ И ЕГО ТАЙНА Экскурсия по выставке к юбилею А. А. Фета в Пушкинском Доме

На афише юбилейной выставки к 200-летию Афанасия Фета, проходившей в ИРЛИ РАН с 16 ноября 2020 по 16 марта 2021 года, мы видим этюд Я. П. Полонского: притягивает взгляд маленькая, удаленная от зрителя фигурка старого поэта, который спускается с крыльца в сад. Земной жизни Фету осталось только два года, впереди – вечность. Сад символизирует воплощение и завершение его трудов и вечное цветение его поэзии.

Выставка называется фетовской строкой «Из времени – в вечность» и имеет подзаголовок: «Поэт и его тайна». Присутствие этой тайны ощущали его современники и потомки, собратья-поэты и читатели. Лев Толстой поражался: «И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов»; у Н. Н. Страхова читаем: «...он в своем роде поэт единственный, несравненный, дающий нам самый чистый и настоящий поэтический восторг, истинные бриллианты поэзии <...> Кто восхищается стихами Фета, тот действительно знает толк в поэзии»; П. И. Чайковский называл его поэтом «безусловно гениальным» и отмечал: «...Фет, в лучшие свои минуты, выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область. Поэтому часто Фет напоминает мне Бетховена <...>. Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант <...>».

Фет был человеком несгибаемой воли, железной рукой ковавший свою судьбу – успешным хозяйственником, общественным деятелем, яростным публицистом, оригинальным мыслителем, последовательно и целеустремленно проводившим в жизнь свои убеждения. Но для нас он прежде всего – великий русский лирик, чьи стихи сопровождают всех с ранних лет, поэтому главным образом мы старались предста-

вить поэтическое наследие Фета на фоне важнейших вех его жизненного пути.

В качестве «девиза» выставки мы взяли фетовскую строфу, отражающую «символ веры» поэта — суть его лирического дерзновения — ощущение непосредственной связи между мирами — видимым и невидимым, присутствия в нашей трехмерной жизни четвертого измерения:

Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, не тонущей ногой.

Очень важен для поэтического мировосприятия Фета образ неба, поэтому все пространство выставки окружено небесами — утренняя заря, яркий день, «вечерние огни» и звездная ночь — с Млечным путем, символизирующим дорогу к вечности. Круговороту времени суток соответствуют смена времен года и периоды жизни поэта — рождение, юность, молодость, зрелое мужество, старость и смерть.

Относящиеся к вышесказанному изображения расположены на шести пристенных модулях, которые окружают витрины, и являются смыслообразующими доминантами. На каждом из модулей помещено стихотворение Фета или его высказывание, в котором сфокусирована основная мысль, заложенная в содержание соответствующей витрины. В двух случаях они содержат также и основную информацию (это относится к модулям, посвященным многогранной деятельности Фета переводчика, критика и публициста). Такой прием позволил задавать отдельные темы и одновременно — акцентировать внимание зрителя на тех моментах, которые авторам концепции представлялись важными для интерпретации этих тем.

В витринах же (четыре малых по периметру зала и двух больших в центре), а также в кубах сосредоточены сокровища рукописного, музейного и книжного собраний Пушкинского Дома.

Выставку открывает бюст Николая I, обозначающий целую эпоху русской жизни и фетовский культ этого царя, который в его представлении олицетворял Порядок (с большой буквы), воинскую дисциплину, служение отечеству и одновременно являлся просвещенным покровителем наук и искусств — то есть воплощал тот кодекс нравственных понятий, которого Фет устойчиво придерживался на протяжении всей жизни.

Первый модуль условно назван по начальной строке стихотворения: «Я русской...», которое представлено на фоне утреннего неба поздней осени или ранней зимы — времени рождения Фета 23 ноября

(5 декабря); в верхней части модуля помещен герб рода Шеншиных, отсылающий к непростой истории происхождения поэта, его самоощущению как русского потомственного дворянина, с раннего детства усвоившего, что он Шеншин, впитавшего рассказы о своих предках-воеводах, о прадедушке Петре Афанасьевиче, ездившем на лошадах, кованных серебром. Судьба распорядилась так, что Фету пришлось не только вернуть утраченное родовое имя и дворянство, но и остаться единственным достойным наследником этой ветви Шеншиных.

К первому модулю примыкает витрина, в которой выложены материалы, освещающие ранние годы жизни Фета, начало поэтического пути и его службу сначала в армейском Кирасирском Военного Ордена полку, а затем в гвардейском Уланском. Время военной службы Н. Н. Страхов метко охарактеризовал «вторую яркую эпоху в жизни Афанасия Афанасьевича»: «Много трудов и волнений, много радостей, строгая дисциплина службы, множество разнообразных лиц, успехи в любви, в дружбе, в литературе — всем была богата эта жизнь. И можно прямо сказать, что на Афанасии Афанасьевиче до конца были ясно видны два отпечатка: старого помещичьего быта, с его тонкою общительностью и изяществом жизни, и военной службы николаевских времен, с ее строгим пониманием власти и обязанности».

В витрине находятся: издание «Лирического Пантеона» — первого поэтического сборника Фета 1840 года, альбом Александры Львовны Бржеской, красавицы жены херсонского помещика Алексея Федоровича Бржеского, с которыми поэт завязал дружеские отношения в 1845 году, вскоре после того, как поступил в расквартированный в Новороссийском крае кирасирский полк. За восемь лет службы в Херсонской губернии он часто бывал в имении Бржеских — Березовке и на всю жизнь сохранил об этом светлые воспоминания. Свидетельство тому — записанные в альбом стихи Фета 1840-х годов. В витрине представлена копия одного из них — знаменитого «Я пришел к тебе с приветом...», под которым проставлены дата — 10 мая 1847 года и место — Березовка.

Рядом с альбомом — одно из самых пронзительных обращенных к Бржеской стихотворений «Далекий друг, пойми мои рыдания...», завершающегося строками:

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.
В ланитах кровь и в сердце вдохновенье. —
Прочь этот сон, — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,

Что просиял над целым мирозданием,
И в ночь идет, и плачет уходя.

Не случайно Толстой назвал это стихотворение «прекрасным» и прибавил: «Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек: *в нем слишком много слез*, то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться». Представленный в витрине текст — ранняя редакция из рабочей тетради — словно создан для текстолога: на первый взгляд, беловой автограф, но уже в начальной строке притаились три варианта стиха (в том числе и самый первый: «Далекий друг, прими мои стенанья»).

Неказистый на вид клочок почтовой бумаги содержит еще одно обращенное к Бржеской четверостишие — это один из немногих уцелевших фрагментов писем Фета к старинной приятельнице (в конце жизни она, как известно, сожгла письма поэта). На нем мы видим две подписи — «А. Шеншин» и «А. Ф.», первая была подписью под несохранившимся текстом письма, вторая — криптоним известного имени — Афанасий Фет. Поэт не раз обыгрывал это свое «двойное бытие», например в стихотворении «Наш шеф — владыка полусвета...» на празднование 25-летия шефства Александра II над л.-гв. Уланским полком в 1874 году («Везде душа улана Фета / И отставного Шеншина») или в другом месте: «Я между плачущих Шеншин, / А Фет я только средь поющих».

Здесь же находятся материалы, непосредственно относящиеся к воинской службе — страница автобиографии поэта, составленной в 1877 году; портреты командиров Орденского полка Александра Богдановича Энгельгардта и Карла Федоровича Бюлера; крошечная записная книжка Фета, открытая на странице с позднейшими адресами Энгельгардта и Бюлера, с которыми он поддерживал связь и по окончании службы; черновик автобиографической повести «Семейство Гольц» (1870) из «новороссийской былой жизни», действие которой разворачивается в небольшом городе К., то есть Крылове (Новогеоргиевске), где располагался полковой штаб. К еще одному яркому эпизоду кавалерийской службы отсылает и литография с акварели к рассказу «Не те», иллюстрирующая основной его эпизод, в котором Фет, сопровождаемый «линейными» четырех эскадронов своего полка, подъезжает к императору Николаю I, принимавшему смотр. Тут же в витрине письмо к другу детства и однополчанину Ивану Петровичу Борису от 3 марта 1849 года, написанное месяц спустя после назначения Фета полковым адъютантом, с упоминанием об окружающих его «гоголевских вях». В нем же Фет, скорее всего впервые, говорит о начале своего чувства к Марии Лазич.

В простенке между первым и вторым модулями помещены портрет Фета-улана, предположительно работы К. К. Гампельна, и акварели, изображающие офицеров и нижних чинов армейского и гвардейского полков, в которых служил поэт, а также шефа л.-гв. Уланского полка цесаревича Александра Николаевича.

На стенде с условным названием «Москва», на фоне весеннего неба над Замоскворечьем — начало стихотворения «Был чудный майский день в Москве...», а рядом в витрине находятся материалы об учебе Фета на словесном отделении Московского университета, где, как известно, он был далеко не из числа усердных студентов и, «вместо того чтобы ревностно ходить на лекции», «почти ежедневно писал новые стихи». Это время принято считать одним из самых счастливых в жизни поэта.

Из немногих профессоров, о которых Фет вспоминал с сердечной признательностью, уважением и любовью, особо выделяется Степан Петрович Шевырев, читавший курс истории российской словесности. Именно он фактически взял на себя роль наставника начинающего поэта, активно содействуя публикации его стихотворений; благодаря ему завязалось плодотворное сотрудничество молодого студента в журнале «Москвитянин», на страницах которого впервые увидели свет фетовские циклы «Офелии», «Снега», «Гадания», «Мелодии». Он же поддержал и новый вид поэтической деятельности Фета — страстное увлечение переводами Горация, начавшееся на втором курсе с «выпуклых и изящных объяснений» молодого профессора Дмитрия Львовича Крюкова. С Горацием Фет не расстанется всю свою творческую жизнь, под знаком Горация фактически начнется личное общение с И. С. Тургеневым в Спасском в 1853 году, напоминанием о котором служит томик «Од» 1856 года, отредактированных и изданных при непосредственном участии писателя. Переводы Горация включались практически во все поэтические сборники, начиная с «Лирического Пантеона» и заканчивая «Вечерними огнями». За издание русского Горация в 1883 году поэту была присуждена Академией наук полная Пушкинская премия.

Юношеский голос Фета мы слышим в письмах к Иринарху Введенскому, письма к нему — едва ли не единственные документы из этой ранней поры. Письмо, которое представлено в витрине, напоминает о роли этой неоднозначной личности в жизни поэта. Здесь повествуется и о страстном увлечении Шиллером.

Памятью о дружбе с Аполлоном Григорьевым является комплекс документов — в том числе фотографии дома Григорьевых на Малой Полянке, пребывание в котором Фет в «Ранних годах...» называет «истинной колыбелью» своего «умственного „я“». Здесь собирались

Полонский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, князь Черкасский и мн. др. Небольшой домик с мезонином располагался за несколько сажен до церкви Спаса Преображения в Наливках, лицом во двор, где росла та самая «Печальная береза...» из фетовского стихотворения. Мы видим и «антресоли», где бок о бок шесть лет прожили «Афоня и Аполлоша». В витрине представлены посвященная Фету повесть последнего «Человек будущего», а также материалы, связанные с появлением в 1850 году второго поэтического сборника, составленного стараниями А. Григорьева и им же чуть не погубленного. В простенке за вторым модулем помещены виды московских домов, связанных с жизнью поэта.

Приезды гвардии поручика Фета в Петербург по делам службы из Новгорода и его общение с кругом некрасовского «Современника» отражены как в настенной развеске, так и в витринных материалах.

Знакомству и последующей дружбе с Толстым и Тургеневым, истории сборника 1856 года, женитьбе Фета в 1857 году на Марье Петровне Боткиной, взаимоотношениям с семейством Боткиных посвящена первая большая витрина. Особое место в ней отведено теме любви и семейного счастья. Главной реликвией является альбом Марьи Петровны, в который 8 апреля 1857 года, получив согласие на свое предложение руки и сердца, Фет вписал обращенное к ней стихотворение «Победа! Безоружна злоба...». Завершают его ликующие строки:

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к вам лечу.

Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.

В этот альбом Марья Петровна впоследствии вложила засушенные цветы из своего свадебного букета, и этот дошедший до нас хрупкий сувенир тоже представлен на выставке. Витринными текстами, комментирующими экспонаты, видом писем, летящих к невесте, изображенных на модуле, мы стремились разрушить стереотип, в соответствии с которым женитьба Фета упорно продолжает считаться браком по расчету.

Уникальным экспонатом, помещенным в первую большую витрину, является рабочая тетрадь Фета 1850-х годов в темно-коричневом переплете (ранняя из двух сохранившихся тетрадей со стихами). Помимо лирических шедевров этой поры, в нее внесено большинство

стихотворений «боткинского периода», написанных, по словам самого поэта, «под влиянием» Марьи Петровны — упоминавшееся уже стихотворение «В альбом. В первый день Пасхи», «Еще майская ночь», «Цветы», «Расстались мы, ты странствуешь далече...», «Был чудный майский день в Москве...», «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...», «Я был опять в саду твоём...» и др.

Оставляя полное описание представленных на выставке экспонатов на будущее, невозможно не упомянуть о знаменитом рисунке-шарже Тургенева, отразившем предмет постоянных споров между Тургеневым и Фетом — о роли «разума» в искусстве. Эта витрина заканчивается сборником «Стихотворений» 1863 года, а соседняя большая переносит нас сразу же в период «Вечерних огней». Мостиком, связывающим их, выступают два следующих модуля, на которых представлена деятельность Фета-переводчика, подарившего русской культуре римских классиков, Шопенгауэра и гётевского «Фауста», а также Фета — хозяйственника, мирового судьи, самобытного публициста и общественного деятеля. Бюст Александра II знаменует собой смену государственной политики и начало масштабных реформ, в эпицентре которых оказалась деятельность Фета-фермера и Фета — мирового судьи Мценского уезда.

Между модулями на этой стене помещены фотоснимки Сергея Дмитриевича Боткина, сделанные им в фетовском имении Воробьевка: виды дома, его интерьеров, парка, окрестностей. Хранящийся в Пушкинском Доме знаменитый фотоальбом «Воробьевка» дает возможность представить обширные теплицы, лошадей фетовского конного завода, тщательно ухоженный парк и общий вид усадьбы. Эти снимки демонстрируют размах и основательность хозяйственной деятельности поэта, которые поясняются его словами, приведенными на модуле: «Насколько в деле свободных искусств я мало ценю разум в сравнении с бессознательным инстинктом, пружины которого для нас скрыты, настолько в практической жизни требую разумных оснований, подкрепляемых опытом». (Надо сказать, что вид вспаханного поля на модуле, посвященном Фету-хозяину, стихотворение «Первая борозда» в витрине и скульптура пахущего Толстого были объединены не без умысла.)

На модуле можно вчитаться в первые страницы публикаций Фета, самые названия которых дают представление о том, какие вопросы его волновали: цикл очерков «Из деревни», посвященных опыту применения вольнонаемного труда в России, о воспитании и образовании — «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» (1867); «Наши корни» (1882), «На распутье» (1884) — посвященные вопросам выбора послереформенных путей развития сельского хозяйства

и промышленности, ряд статей по самым разнообразным вопросам судопроизводства, коннозаводства и мн. др.

Феномену появления «Вечерних огней» — юношески свежих и философски мудрых стихов, посвящен замыкающий эту стену модуль и, отчасти, материалы следующей большой витрины, где находится вторая рабочая тетрадь Фета с его позднейшими стихами. Сюда же мы поместили прозаический шедевр Фета — автобиографический рассказ «Кактус» с «портретом» цветущего «героя» этого рассказа, запечатленного Я. П. Полонским спустя два года после описанных событий.

Гордостью нашего рукописного собрания является переписка поэта-учителя Фета с поэтом-учеником — великим князем Константином Константиновичем. В двух владельческих красных сафьяновых переплетах, заказанных самим К. Р., находятся 119 посланий Фета и 97 К. Р.

Здесь, как и в других витринах, в силу невозможности раскрыть альбомы и рукописные тетради сразу в нескольких местах, помещены копии находящихся в них стихотворений.

К переводческой деятельности Фета, одновременной с созданием «Вечерних огней», отсылает объемистый том переводов «Метаморфоз» Овидия из библиотеки А. Н. Апухтина, в который вклеен список стихотворного посвящения графу А. В. Олсуфьеву «Вот наша книжка в толстом томе...». Сотрудничество с прославленным боевым генералом, знатоком латыни и древнеримской литературы было не единичным. К нему обращено и другое стихотворение Фета: «Второй бригады из-за фронта / Перед тобою мой Пегас...». В качестве иллюстрации к нему мы поместили рисунок дизайнера нашей экспозиции молодой художницы Дарьи Матвеевой («Пегас в шенкелях»).

Кульминацией выставки является торцовая стена зала с выполненным с натуры женой поэта Я. П. Полонского Жозефиной Антоновой бюстом Фета, помещенным на фоне звездного неба. Млечный путь за его спиной и образ летящей кометы, с которой в мировой поэзии часто сравнивается жизнь поэта, передают космизм двучастного стихотворения из первого выпуска «Вечерних огней» — «Измучен жизнью, коварством надежды...», помещенного по сторонам бюста:

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность,
И пламя твое узнаю, солнце мира...

В двух витринах у этой стены мы поместили материалы, рассказывающие, главным образом, об отношениях Фета с молодым Владими-

ром Соловьевым, а также о восприятии его личности и поэзии прямым наследником — Александром Блоком.

В первой из них развернут сюжет, посвященный пребыванию и творческому времяпрепровождению в Воробьевке Полонского, Страхова и Соловьева. В витрину помещены статья Соловьева о поэзии Фета и копия одного из посвященных молодому поэту стихотворений, а также издание фетовского перевода Катулла, открывающееся стихотворным посвящением Соловьеву:

Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Прости! Лавровому венцу
Я скромной ивой подражаю,
И вот веронскому певцу
Катуллом русским отвечаю.

Боюсь, всю прелесть в нем убую
Я при такой перекочевке, —
Но как Катулла воробью
Не расплодиться в Воробьевке!

Это посвящение отсылает к совместной работе над переводом Катулла в мае 1885 года, сопровождавшейся горячими спорами. Уголок воробьевского парка изображает этюд Полонского из собрания Литературного музея Пушкинского Дома.

В последней витрине находится беловой автограф стихотворения Фета «Шопену» и изложенная А. Блоком история этого автографа, который перешел от Владимира Соловьева к матери поэта, а затем к нему самому. Здесь же дневник Блока с набросками статьи о русской поэзии, где Фету отводится наиболее значительное место в ряду поэтов — предтеч символизма. Дневник открыт на стихотворении 1898 года «Памяти А. А. Фета» («Шепчутся тихие волны...»).

Образом эстафеты, переданной уходящим поэтом новому поколению, служит рукописное посвящение на третьем выпуске «Вечерних огней»:

Тухнувший факел с вечерним мерцанием
Будущим полному, сердцу родному
С благоговением и упованием
Передаю я певцу молодому.

Вот беглый обзор материалов, представленных на выставке, и описание основных принципов ее дизайнерского решения. Повторимся: главной задачей нашей было представить поэзию Фета на фоне основных событий его жизни. Может возникнуть закономерный вопрос: но в чем же заключается тайна поэта, о которой мы дерзнули упомянуть в подзаголовке юбилейной экспозиции?

Может быть, ответить поможет Александр Блок. В статье «Искусство и революция» поэт говорил о том, что цивилизация (понятие негативное в словаре Блока и противоположащее понятию «культура») всегда стремится приспособить художника, истолковать его творчество, огонь, которым он горел, понятными для обывателя категориями. Мешает ей это сделать, по слову Блока, «яд творческих противоречий» — то неудобное, эпатазирующее, что не вмещается в понятие «комильфо». Сознаемся, что и мы, выбирая из фетовского синонимического ряда определение для императора Николая I, решились взять только самое нейтральное, как если бы государь олицетворял для него не «строй», не «гармонию», а лишь Порядок с большой буквы.

Фету всегда приписывали раздвоенность: разделяли на поэта и помещика, стыдливо умалчивая о его мировоззрении, не вмещавшемся в рамки господствующей идеологии. После Октябрьской революции вообще дозволили остаться только Фету-поэту.

Теперь, когда появилась возможность судить в совокупности обо всем, что он сделал и написал в своей жизни, сопоставить его высказывания с его поступками, не исключено, что будет сделан вывод об античном ощущении противопоставленного хаосу космоса, близкого поэту, и что все его литературные и публицистические занятия, хозяйственные труды, политические идеалы были выражением стремления к упорядоченности, понимаемой как Гармония (потому и государь олицетворял собой «стройность») и как Служение. Кастальский ключ его поэзии и мировоззрение берут начало из единого источника: это чувство своей русскости, любовь к Отечеству, желание быть полезным ему во всем, будь то военная служба, деятельность в качестве мирового судьи или поэтический труд. Иными словами, мы хотели заявить о цельности личности поэта и однонаправленности его жизненной позиции доступными дизайнерскими средствами. Личность и творчество Фета все еще нуждаются в ломке многих стереотипов, в пересмотре укоренившихся мифов, и это задача, предлежащая современному литературоведению.

В заключение хотим поблагодарить всех, кто участвовал и помогал в создании юбилейной выставки: наших консультантов — заведующую Группой по изданию сочинений А. А. Фета Наталью Петровну Генералову и руководителя Литературного музея Пушкинского Дома

Юлию Вячеславовну Веретнову; главного хранителя музея, хранителя фонда живописи и скульптуры — Елену Владимировну Кочневу; хранителей фондов музея — Екатерину Юрьевну Герасимову, Валентину Сергеевну Логинову, Марию Олеговну Александрову; ведущего библиотекаря Библиотеки ИРЛИ — Елену Петровну Максимову; главного хранителя Рукописного отдела — Ирину Владимировну Кошценко, заведующую учетом Рукописного отдела — Людмилу Дмитриевну Зародову, флориста — Татьяну Васильевну Стерненко, а также нашу помощницу — Анастасию Александровну Генералову.

Слова особой благодарности обращаем к дизайнеру Дарье Андреевне Матвеевой, на которую легло много сложных задач по художественному оформлению выставки.¹

¹ На вклейке представлены изображения общих видов выставки, модулей, витрин, а также отдельных экспонатов (фотографии Артема Брука).